

Джеймс Кервуд

Сын Казана

Казан

Джеймс Кервуд

Сын Казана

«Public Domain»

1917

Кервуд Д. О.

Сын Казана / Д. О. Кервуд — «Public Domain», 1917 — (Казан)

«Когда Бари появился на свет, то некоторое время весь мир заключался для него только в одной мрачной берлоге. В первые дни его жизни его жилище находилось глубоко под валежником, где его слепая мать, Серая волчица, устроила для себя гнездо, чтобы произвести его на свет, и куда ее муж Казан заглядывал иногда, сверкая в темноте глазами, походившими на страшные зеленые огненные шарики. Именно эти глаза Казана дали Бари первое представление о том, что кроме его матери существовало на свете кое-что и еще, и именно благодаря им он открыл, что наконец прозрел. Он мог чувствовать, обонять, слышать, но, пока еще не открылись у него глаза, он ровно ничего не мог видеть под этой кучей свалившегося бурелома. Но вот сверкнули перед ним глаза его отца, в первую минуту испугали его, затем удивили, и, наконец, его страх перед ними перешел в безграничное любопытство. Он искал их даже и тогда, когда они потухали. Это было в те моменты, когда Казан отворачивал голову. Затем они вспыхивали вновь, и с такой неожиданностью, что он невольно прижимался к матери, которая всегда как-то странно пожималась и дрожала всякий раз, как входил к ней Казан...»

Содержание

Глава I	6
Глава II	9
Глава III	13
Глава IV	18
Глава V	22
Глава VI	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Джеймс Оливер Кервуд Сын Казана

* * *

Глава I

Великое неизвестное

Когда Бари появился на свет, то некоторое время весь мир заключался для него только в одной мрачной берлоге. В первые дни его жизни его жилище находилось глубоко под валежником, где его слепая мать, Серая волчица, устроила для себя гнездо, чтобы произвести его на свет, и куда ее муж Казан заглядывал иногда, сверкая в темноте глазами, походившими на страшные зеленые огненные шарики. Именно эти глаза Казана дали Бари первое представление о том, что кроме его матери существовало на свете кое-что и еще, и именно благодаря им он открыл, что наконец прозрел. Он мог чувствовать, обонять, слышать, но, пока еще не открылись у него глаза, он ровно ничего не мог видеть под этой кучей свалившегося бурелома. Но вот сверкнули перед ним глаза его отца, в первую минуту испугали его, затем удивили, и, наконец, его страх перед ними перешел в безграничное любопытство. Он искал их даже и тогда, когда они потухали. Это было в те моменты, когда Казан отворачивал голову. Затем они вспыхивали вновь, и с такой неожиданностью, что он невольно прижимался к матери, которая всегда как-то странно пожималась и дрожала всякий раз, как входил к ней Казан.

Конечно, Бари совершенно не знал их истории и так никогда ее и не узнал. Ему навсегда осталось неизвестным то, что его мать, Серая волчица, была настоящей волчицей, а его отец Казан – настоящей собакой. Природа уже начала над ним свою изумительную работу, но, конечно, эта работа не могла переходить за известные пределы. В свое время природа укажет ему, что эта великолепная волчица, его мать, была слепа, но он все равно никогда не узнает о той ужасной борьбе, которая происходила когда-то между нею и рысью, выцарапавшей ей глаза, и о том, как его отец безжалостно мстил потом за это всем рысям вообще. Он никогда не узнает также и о том, как Казан и Серая волчица целые годы дружно прожили между собою и оставались друг другу верны и какие странные приключения испытали в своих блужданиях по великим пустыням Канады.

Бари целиком вышел в отца.

Но в первое время, да и во все последующие дни мать составляла для него все. Даже и тогда, когда он уже прозрел совсем и вдруг обнаружил, что может проковылять в темноте некоторое пространство на своих собственных ногах, для него не существовало, кроме матери, никого и ничего. Когда он подрос уже настолько, что стал играть веточками и комьями земли, выходя из берлоги на солнышко, то и тогда не догадывался, что представляла собою его мать. Для него это было большое, мягкое, теплое существо, которое облизывало его мордочку языком и разговаривало с ним ласковым поскуливанием, на которое и он отвечал слабым, поскрипывавшим писком. В этом писке он впервые узнал свой голос. А затем настал тот полный удивительных событий день, когда зеленые огненные шарики, составлявшие собою глаза его отца, стали осторожно и с опаскою подходить к нему все ближе и ближе. Серая волчица предостерегала Бари, чтобы он пятился от них назад, так как оставаться во время материнства одной, наедине со своим щенком, было основным требованием ее породы. Всякий раз, как она ворчала, Казан останавливался у входа и раньше. Но в этот день ворчанья не последовало вовсе. Оно превратилось в гортани у Серой волчицы в низкий, томный стон и замерло. Нота усталости от одиночества, радости и великой истомы прозвучала в этом стоне. «Теперь уже можно!» – казалось, хотела она этим сказать Казану, и, помедлив немного, чтобы убедиться, что здесь не было вовсе ошибки, Казан тоже ответил ей низким ворчаньем.

Все еще нерешительно, точно не уверенный в ожидавшем его приеме, Казан подошел к ним поближе, и Бари еще теснее прижался к матери. Он увидел, как Казан стал громоздко подползать к Серой волчице на брюхе. Он не испугался его, а был только до крайности заинте-

ресован. Было любопытно также и самому Казану. Он понюхал воздух и насторожил в темноте уши. Немного погодя Бари зашевелился и потихоньку, дюйм за дюймом, стал отползать от матери. Все время Серая волчица оставалась спокойной, но каждый мускул в ней напрягся от ожидания. В ней заговорила ее волчья кровь. Она подозревала для Бари опасность. Без малейшего звука она приподняла губы и оскалила клыки. В горле у нее что-то задрожало, но она не издала ни малейшего звука. В темноте в двух аршинах от нее слышались жалобный, чисто щенячий писк и затем ласковое шлепанье языка. Это облизывал его Казан. Бари почувал в себе первый трепет от своего первого великого приключения. Он понял, что это был его отец.

Все это случилось в конце третьей недели со дня рождения Бари. Ему пошел уже восемнадцатый день, когда Серая волчица позволила Казану впервые увидеть своего сына. Если бы не слепота и не память о том дне на солнечной скале, когда рысь выцарапала ей глаза, то она вынырнула бы своего Бари на открытом воздухе, и его ножки к этому времени стояли бы крепче. Он знал бы теперь и о солнце, и о луне, и о звездах; ему были бы знакомы и молнии и раскаты грома. Но, к сожалению, ему ничего не оставалось делать в этой темной берлоге под валежником, кроме как ползать во мраке и лизать своим тоненьким, розовым язычком валявшиеся вокруг обсохшие кости. Несколько раз она оставляла его одного. Он слышал, как уходила и приходила его мать, и почти всегда в таких случаях, точно эхо, до него доносился лай Казана. И он ни разу не испытывал сильного желания побежать за матерью до того самого дня, когда вдруг почувствовал на себе ласковое прикосновение холодного языка Казана. В эти-то удивительные минуты природа и принялась за свою работу. До сей поры все его инстинкты в нем еще дремали. Но когда Казан ушел, оставив их в темноте одних, то Бари визгом попросил его вернуться обратно, как это делал всегда, когда уходила от него мать.

Солнце как раз стояло над лесом, когда час или два спустя после ухода Казана Серая волчица выползла наружу. Между гнездом Бари и краем кучи бурелома было целых сорок футов, и все это пространство было загромождено свалившимся и изломанным лесом, через который не проникал в берлогу ни малейший свет. Эта темнота не пугала Бари, так как он уже был с нею знаком. Именно день, а не ночь, должен был наполнить его невыразимым страхом. Но теперь он совершенно безбоязненно забрехал своей матери, чтобы она подождала его, и побежал за нею. Если Серая волчица и заметила его, то она все-таки не обратила ровно никакого внимания на его зов, и царапанье по земле ее когтей скоро замерло в толще навалившегося бурелома.

На этот раз Бари не остановило лежавшее поперек дороги бревно, которое всегда служило ему помехой по пути в этом направлении. Он вскарабкался на него и кувырком свалился по другую его сторону. Теперь перед ним открывалось широкое поприще для приключений, и он бросился в него очертя голову.

Для того чтобы преодолеть первые двадцать ярдов, ему понадобилось порядочно усилий. Затем он добрался до бревна, уже достаточно обтертого ногами Серой волчицы и Казана, и, останавливаясь на каждом шагу, чтобы визгом подзвать к себе мать, стал понемножку продвигаться все дальше и дальше. По мере того как совершалось это продвижение, и мир развертывался перед ним все шире и шире. До сих пор он не знал ничего, кроме темноты. А теперь эта темнота стала превращаться в какую-то странную смесь света и теней. Как вдруг, точно молния, его пронизал сноп света: это был солнечный луч, и он испугался его так, что распростерся плашмя на бревне и некоторое время вовсе не мог двинуться. Затем все-таки пошел вперед. Горностаи прыснул в сторону из-под него. Он услышал, как быстро заскребла коготками белка, убегая от него и издавая такие звуки, которых он еще ни разу не слышал от матери: хут-хут-хут... Теперь уж он был не на торной дороге. Бревно уже не было больше гладким и поднимало его на себе все выше и выше к самой гуще валежника, сужаясь постепенно при каждом его шаге. Он заскулил. Напрасно его мягкий носик искал в воздухе теплого запаха его матери. А потом все кончилось тем, что он вдруг потерял равновесие и свалился вниз. С криком ужаса он сперва стал сползать с бревна, а потом не удержался на нем и всем телом

шлепнулся о землю. Вероятно, он забрался уже достаточно высоко, потому что это было для него довольно серьезным падением. Сваливаясь вниз, его маленькое тельце ударялось по пути то об одно бревно, то о другое, пока наконец, еле дыша, Бари не почувствовал, что падение прекратилось. Тем не менее он вскочил сразу на все четыре ноги и стал шуриться.

Новый ужас охватил его всего. В какое-нибудь одно мгновение для него переменился вдруг весь свет. Он попал в освещенное ярким солнцем пространство. И куда бы он ни поглядел, всюду перед ним стояли какие-то странные предметы. Но больше всего его испугало солнце. Это было его первое знакомство с ярким пламенем вообще и заставляло его долго держать глаза закрытыми. Ему хотелось вернуться обратно в свою мирную и уютную темноту под валежником, но в это время из-за громадного бревна выскочила вдруг Серая волчица, а потом вслед за нею и Казан. Она стала радостно тыкать в него своею слепой мордой, а Казан чисто по-собачьи завилял хвостом. Так же точно мог вилять хвостом и Бари, так как, будучи полусобакой, он обладал этой способностью до конца своих дней. Он попробовал сделать это и теперь. Возможно, что Казан заметил эти его попытки, потому что сел перед щенком на задние лапы и одобрительно залаял.

А может быть, этим лаем он хотел сказать Серой волчице:

«Знаешь что? Давай-ка мы отнесем этого маленького плутишку обратно в нашу берлогу!»

Для Бари это был великий день выхода в свет. В этот день он впервые узнал своего отца и увидел мир.

Глава II

Первый выход в свет

А этот мир представлял собою нечто удивительное: полное молчание и пустота, если не считать диких животных тварей. Ближайшее людское поселение находилось за сотню миль оттуда, у Гудзонова залива, а первый город с его цивилизацией – в трехстах милях к югу. Года два тому назад некий Тюзу, индейский охотник и следопыт, считал эти места своим владением. Они достались ему по лесным законам от целых поколений его предков; но Тюзу был их последним представителем, так как умер от черной оспы, а его жена и дети последовали его примеру. С тех пор в этих лесах не ступала ни одна человеческая нога. Рыси расплодились. На лосей и оленей некому было охотиться. Бобры беспрепятственно строили свои плотины. Следы от медведей были так же свежи и часты, как и следы от оленей, тянувшихся к югу. И там, где раньше отравленные приманки и капканы, расставленные Тюзу, заставляли сотнями гибнуть волков, там эти браконьеры пустыни уже не испытывали больше ни малейших угроз.

За этим удивительным первым днем с его ярким солнцем для Бари последовала и его первая ночь со звездами и луной. Это была великолепная ночь. Полная красноватая луна плыла над лесами, распространяя над землей свой новый для Бари свет, более мягкий и более красивый. Волчья порода заговорила в Бари, и он почувствовал какое-то беспокойство. В этот день он поспал на теплом солнышке, но никак не мог сомкнуть глаз при лунном свете. Он беспокойно вертелся около Серой волчицы, растянувшейся на животе и поднявшей свою красивую голову, чтобы не упустить ни малейшего ночного звука и не прозевать, когда ее лизнет Казан, возвратившись с охоты.

Бродя около своей берлоги, Бари несколько раз слышал над своей головой мягкий шум крыльев и раза два или три видел, как над ним в воздухе проносилась бесшумно какая-то серая тень. Это были громадные северные совы, уже собравшиеся на него напасть, и если бы он был кроликом, а не щенком полуволчьей породы, то эта его первая ночь со звездами и луной была бы и последней; он не остерегался даже и так, как кролик, и сама Серая волчица не очень заботилась о нем, так как отлично знала, что в этих лесах для Бари не могло быть большей опасности, чем человек. В его жилах текла волчья кровь. Он сам представлял собою охотника на всех диких животных, и ни одно живое существо, ни пернатое, ни четвероногое, не могло бы его схватить. Бари инстинктивно почувствовал в себе это. Он вовсе не испугался сов. Его не встревожили их кровожадные крики, раздававшиеся в вершинах сосен. Но один раз им все-таки овладел страх, и он заковылял обратно к матери. Это было, когда одно из этих крылатых созданий, разрезав воздух, сразу бросилось на белоснежного кролика, и, услышав его раздиравший душу предсмертный крик, Бари вдруг почувствовал, как забилось его сердце, точно маленький молоточек. В этом крике он почуял близость постоянной лесной трагедии – смерти. Второй раз он почуял ее в эту же ночь, когда, крепко прижавшись к матери, вдруг услышал дикие крики волков, стаяй гнавшихся за молодым самцом-оленем. И значение всего этого и дикий трепет от всего им почувствованного стали ясны для него в ту же ночь, на рассвете, когда вернулся с охоты Казан и принес в зубах большого, еще трепетавшего и боровшегося за жизнь кролика.

Этот несчастный кролик был первой главой воспитания Бари. Казалось, будто Серая волчица и Казан нарочно обставили дело так, чтобы он мог сразу же научиться искусству убивать. Когда Казан выпустил кролика из челюстей, то Бари очень нерешительно подошел к нему. Спина у кролика была уже переломлена, круглые глаза помутнились, он еле чувствовал свои страдания. Но для Бари он был еще живым существом, и щенок с удовольствием вонзил ему свои молодые зубы в пушистое горло. Благодаря меху зубы не вошли в самое мясо, но ребячий

задор вдруг наполнил всего Бари: ему стало казаться, что именно он загрыз этого кролика. Он прочувствовал предсмертные судороги кролика. Он мог слышать последние вздохи, вылетающие из еще теплого тела, и ворчал и играл с этим телом до тех пор, пока не опрокинулся наконец назад с полным шерсти ртом. Когда он вернулся к нему назад, то кролик был уже мертв, но он все еще продолжал кусать его и ворчать, пока наконец Серая волчица не вонзила в кролика своих острых клыков и не разорвала его на части. После этого последовало пиршество.

Из этого Бари понял, что есть – значило убивать, а это в свою очередь в ближайшие же дни и ночи стало порождать в нем желание сырого мяса. В этом отношении он оказался настоящим волком. От Казана же он наследовал другие, более совершенные наклонности и особенности. Он весь был совершенно черный, с белой звездой на груди. На правом ухе у него было белое пятнышко. Уже к шести неделям у него был длинный пушистый хвост, который висел все-таки, как у волка, книзу. Строение ушей у него было таково же, как и у Серой волчицы: они были острые, короткие, стоячие и в вечном напряжении. Его плечи обещали быть впоследствии такими же могучими, как и у Казана, и когда он выпрямлялся, то походил на ездовую собаку, отличаясь от нее только тем, что ко всякой точке или ко всякому предмету, которые он наблюдал, он всегда становился бочком. Это опять составляло в нем нечто волчье, потому что собаки всегда смотрят перед собою прямо.

В одну из светлых ночей, когда Бари исполнилось уже два месяца и когда все июньское небо было усеяно звездами, а луна взошла так высоко, что ее не касались даже верхушки вековых сосен, он сел на задние лапы и завыл. Это было его первой попыткой, но он не ошибся в самой ноте. Это был настоящий волчий вой. Но не прошло и пяти минут, как, увидев Казана, он застыдился его, ему стало стыдно за эту первую попытку, и он, совершенно по-собачьи, виновато завил перед ним хвостом. В этом опять сказалась в нем собака. И если бы был жив Тюзу, этот индеец-следопыт, и увидел его именно в ту минуту, когда он вилял хвостом, то он безошибочно назвал бы его собакой. Это вилянье хвостом обнаруживало в Бари его душу, если только можно допустить, что у собаки есть душа, – и эта душа была в нем чисто собачьей. И по другому признаку не ошибся бы Тюзу. К двум месяцам волчата перестают вовсе играть. Они представляют собою неотделимую часть пустыни и с этого времени принимаются уже за самостоятельную охоту на живых существ, более слабых и более беспомощных, чем они сами. Бари же все еще продолжал играть. В своих экскурсиях из берлоги он не заходил далее ручья, который находился всего только в ста ярдах от того места, где жила его мать. Он помогал ей раздирать на части уже мертвых или лишившихся сознания кроликов, и если только он мог думать, то он предполагал, что был в высшей степени силен и храбр. Но не раньше девятой недели он действительно почувствовал в себе силу, когда ему пришлось однажды сцепиться с опушки леса с молодой совой и выдержать с нею ужасную борьбу.

То, что белой сове вздумалось свить себе гнездо именно на сломанном бурею стволе дерева недалеко от кучи валежника, также определило всю дальнейшую судьбу Бари, как слепота когда-то произвела перемену во всей жизни Серой волчицы и дубинка человека – в жизни Казана. Ручей протекал тотчас же за этим сломанным деревом, опаленным молнией, а самое дерево стояло в тихом, мрачном месте в лесной опушке, окруженное высокими соснами, и в таком мраке, что там было темно даже днем. Много раз Бари забегал в это таинственное место в лесу и всякий раз входил в него с любопытством и со все возрастающим желанием. В этот день его великого испытания любопытство одержало над ним верх.

Мало-помалу он проник в самую глубину этого места, ярко блистая глазами, и настрожил уши, чтобы не пропустить ни малейшего звука, который мог бы последовать. Сердце его забило сильнее. Мрак окружил его со всех сторон. Он забыл о берлоге и о Казане и о Серой волчице. Здесь перед ним открывалось поприще для приключений. Он слышал какие-то странные звуки, очень тихие и мягкие, точно кто-то ходил в чулках или слегка размахивал крыльями, и они наполняли его каким-то трепетным ожиданием. У него под ногами не было

уже ни травы, ни цветов, ни мха, а расстился мягкий ковер из опавшей с сосен хвои. Ему было приятно ступать по ней, и походка его здесь была такую бархатной, что он не слышал даже своих же собственных движений.

Он пробежал уже целых триста ярдов от своего валежника, когда очутился вдруг в зарослях молодого можжевельника как раз около сломанного дерева. И здесь-то именно и притаилось, как раз поперек его пути, страшное чудовище.

Молодая сова была ростом не более одной трети самого Бари. Но она так страшно смотрела! Бари показалось, что она вся состояла из одних только глаз и головы. Ее тела он даже и не заметил. Казан еще ни разу не приносил к ним в берлогу такой твари, и целые полминуты Бари оставался очень спокойным и во все глаза и с безграничным любопытством стал оглядывать сову со всех сторон. Она не шевельнула ни единым перышком. Бари подошел к ней еще ближе, правда, очень осторожно, и на этот раз сова еще шире открыла глаза и ошетила на голове перья так, точно на них подул сильный ветер. Она принадлежала к наиболее воинственной породе – дикой, смелой и хищной, и даже Казан сразу понял бы, что должно было означать это поднятие на голове перьев. На пространстве отделявших их двух футов сова и щенок стали оглядывать друг друга. Если бы могла увидеть их в эту минуту Серая волчица, то она непременно сказала бы так:

«Забирай-ка, Бари, поскорее свои ноги в охапку и удирай!»

А старая сова сказала бы своему детенышу:

«Дура! Развертывай скорее свои крылья и улетай!»

Но ни та, ни другая не сделали этого – и сражение началось.

Молодая сова вступила в него первая, и тотчас же с диким визгом Бари отскочил назад и повалился в кучу хвои, так как сова вцепилась ему клювом в самый нос, точно раскаленными докрасна клещами. Этот визг от боли и от удивления был у Бари первым и последним за все время борьбы с совой. В нем пробудился волк; им овладело желание во что бы то ни стало убить и ненавидеть. Вцепившись в Бари, сова как-то любопытно зашипела, и когда Бари стал вырываться от нее и, оскалив зубы, стал высвобождать свой нос из-под ее удивительной хватки, то он только злобно ворчал, но не визжал. Целую минуту он не пользовался своими челюстями. А затем совершенно случайно он заткнул сову под корягу, и его нос освободился. Теперь он мог убежать свободно, но вместо этого, как стрела, бросился на совенка. Он повалил его на спину и вонзил ему свои острые, как иголки, зубы прямо в живот. Ему показалось при этом, что он прокусывал подушку: так густы были перья на молодой сове. Все глубже и глубже вонзал он в нее свои клыки; и когда стал наконец прокусывать ей тело она защелкала в воздухе своим клювом, стараясь схватить его хоть за что-нибудь, и кончила тем, что все-таки ухватила его за ухо. Бари почувствовал невыносимую боль и сделал еще большее усилие, чтобы поскорее покончить со своим забронированным в перья врагом. В своей борьбе они, как шары, катались между кустов можжевельника, росших по скату котловины, через которую пробегал ручей. Затем оба они покатались с обрыва прямо к воде, и во время падения Бари выпустил из зубов свою жертву. Но сова крепко вцепилась в своего врага, и когда они очутились уже на дне оврага, она все еще держала Бари за ухо.

Из носа щенка струилась кровь, он испытывал такое чувство, точно у него отдирали ухо от головы совсем, и в эту неблагоприятную для него минуту в совенке пробудился его новый инстинкт: употребить в качестве вспомогательного оружия свои крылья. Сова никогда вообще не вступает в борьбу, не использовав предварительно своих крыльев, и с радостным шипением совенок принялся поражать ими своего врага с такой силой, что это даже оглушило Бари. Он должен был зажмурить крепко глаза и продолжать борьбу уже вслепую. В первый раз за все время, пока она происходила, он вдруг почувствовал желание бежать. Он попытался было отбиться от совы передними лапами, но она, не отличавшаяся вообще быстротой соображения, но упорная в раз принятом решении, все еще висела на его ухе, как неотвязчивая судьба. В

самый критический момент, когда Бари уже убедился, что будет побежден, ему неожиданно помог счастливый случай. Ему удалось схватить совенка за ногу. Он вскрикнул от боли, разжал свой клюв, и ухо наконец освободилось. С торжествующим ворчаньем Бари еще крепче стиснул в зубах ногу совенка.

В возбуждении от борьбы он даже и не заметил, что тут же, под ними, с шумом катил свои воды ручей; оба они свалились с высокого берега прямо в него, и холодная, поднявшаяся от дождей ванна сразу же охладила последнее ворчанье и последнее шипение двух маленьких борцов.

Глава III

Страшная ночь

После первого погружения в воду ручей для совы оказался такой же стихией, как и воздух. Она стала плавать по его поверхности с такою же легкостью, как и чайка, поворачивая во все стороны свою большую голову, точно и сама удивлялась тому, что могла делать это так быстро и без малейших усилий.

Для Бари же дело обстояло совсем иначе. Он пошел ко дну, почти как камень. Вода с шумом наполнила его уши, в глазах помутилось, захватило дыхание, стало страшно. Его стало быстро засасывать течение. Чуть не на полторы сажени он находился под водой. А затем его вынесло вдруг на поверхность, и он отчаянно заработал лапами. Но это оказало ему мало пользы. Это только дало ему возможность лишний раз увидеть свет и набрать в себя воздуха, а далее он попал в самый водоворот, образовавшийся между двух упавших в воду стволов деревьев и походивший на стремнину под мельничным колесом. Его понесло там с такой быстротой, что даже самый зоркий глаз на пространстве целых двенадцати футов не смог бы уловить его движения. Его донесло наконец до мелкого места, по которому вода стремилась, как по лотку, напоминая своей быстротой водопад Ниагару в миниатюре, и целых пятьдесят или шестьдесят ярдов он прокатился вдоль него, точно косматый шар. Отсюда его выбросило в глубокую холодную лужу, а затем, почти полумертвый, он выкарабкался наконец на песчаный берег.

Долго пролежал он на солнце без движения. Ухо не давало ему покоя, а когда он наконец поднялся на ноги, то и его раненый и горевший, точно в огне, нос тоже дал себя почувствовать. В ногах и во всем теле у него стояла ломота, и когда он побрел вдоль песчаного берега, то казался таким жалким, как ни один щенок в мире. Он сделал несколько раз полный оборот вокруг самого себя, но напрасно старался заметить хоть малейший признак, хоть что-нибудь, что могло бы послужить для него путеводной нитью к родной берлоге под валежником. Все кругом показалось ему чуждым и незнакомым. Он не знал, что водою его выбросило как раз на противоположный берег ручья и что для того, чтобы попасть опять к себе домой, он должен был снова переплыть его в обратном направлении. Он заскулил и стал звать к себе мать. Но Серая волчица не могла услышать его голоса, так как берлога под валежником находилась от ручья уже не менее, как в двухстах пятидесяти ярдах. Но волчья порода сказала в Бари и на этот раз: он не лаял, а только потихоньку скулил.

Поднявшись на высокий берег, он направился вдоль ручья. Он шел в совершенно противоположную сторону от берлоги и, следовательно, с каждым шагом становился все дальше и дальше от дома. Пройдя немного, он останавливался и начинал прислушиваться. Лес становился все гуще, мрачнее и таинственнее. Его молчание невольно наводило страх. К концу получаса он уже с удовольствием встретился бы даже и с молодой совой. На этот раз он не вступил бы с нею в борьбу, а если бы это было возможно, даже осведомился бы у нее, как ближе пройти домой.

Пройдя с три четверти мили от своего валежника, он очутился в том месте, где ручей разделялся на два рукава. Для него оставался только один выбор – идти далее по ближайшему из них, то есть на юго-восток. Здесь поток бежал уже не так стремительно. В нем уже не было ни скользких камней, ни отдельных выступов, о которые разбивалась бы с пеной вода. Он тек тихо и был глубок. Сам того не понимая, Бари углублялся все дальше и глубже в лес и попал в те самые места, где когда-то индеец Тюзу расставлял свои ловушки. С тех самых пор, как умер этот Тюзу, все они оставались нетронутыми, за исключением только тех, которые предназначались для ловли волков, так как Серая волчица и Казан по эту сторону ручья никогда

не охотились и, следовательно, не выкрадывали из них приманок, а волки не попадались в предназначенные для них ловушки потому, что вообще предпочитали для своей охоты более открытые места. Как вдруг Бари увидел себя на берегу глубокой темной лужи, поверхность которой была так тиха, точно лужа была наполнена не водой, а маслом, и сердце готово было выпрыгнуть из него, когда какое-то большое, гладкое и блестящее существо вдруг выскочило у него прямо из-под носа и со страшным шумом бултыхнуло в воду. Это была выдра-самец, *Некик*, как называют их индейцы. Он не заметил приближения Бари, и в следующий затем момент из темной глубины вдруг выплыла его супруга *Напанекик* с тремя маленькими выдрятами, оставляя за собой на маслянистой поверхности лужи четыре следа. То, что последовало затем, заставило Бари на несколько минут позабыть о том, что он заблудился. Некик скрылся под водой и затем появился из нее вновь как раз под самой своей ничего не подозревавшей супругой, приподняв ее на себе с такой силой, что она целиком вылезла из воды. Затем он тотчас же нырнул обратно, и она вновь шлепнулась в воду. Бари показалось это очень забавной игрой. В это время двое маленьких выдрят набросились на третьего, который стал отчаянно от них отбиваться. Бари позабыл обо всех своих горестях и болях; кровь снова заиграла в нем, он увлекся и стал громко лаять. В один момент все выдры скрылись, и не прошло и двух минут, как тяжелая поверхность лужи снова превратилась в масло, и тем дело и закончилось. Прождав немного, Бари вновь выбрался в кусты и побрел своей дорогой.

Было уже три часа пополудни, и солнце должно было находиться на своей высшей точке, но в лесу становилось все темнее и темнее, и какое-то беспокойное чувство и страх заставили Бари ускорить свой бег. Он по-прежнему часто останавливался, чтобы вслушаться в воздух, и в один из таких промежутков до него долетел звук, на который он ответил радостным поскуливанием. Это был отдаленный вой – вой волка, находившегося где-то прямо перед ним. Бари ровно ничего не знал о волках и думал, что это выл Казан; он побежал через темный лес прямо на этот вой и бежал до тех пор, пока ветер доносил до него этот звук. Затем он остановился и долгое время прислушивался. Но вой больше не повторился. Вместо него по лесу прокатился с запада на восток глухой гром. По вершинам деревьев замелькала быстрая молния. Тоскливый ропот ветра промчался, как предвестник бури, гром стал раздаваться все ближе и ближе, и молнии, как казалось, стали повсюду разыскивать именно Бари, притаившегося под густыми ветвями ели. Это была его вторая буря. Когда была первая, то он ее ужасно испугался и далеко забился под свой валежник. Единственно, что он мог сделать теперь, это – отыскать углубление под старыми корнями, залезть в него и жалобно визжать. Это был чисто детский плач – плач по матери, по дому, по теплу, по родному гнезду и уюту, и пока он так плакал, буря неистовствовала над лесом.

Бари никогда еще не слышал столько шума в природе и не видел таких ярких молний и такого проливного дождя, какие бывают в июне. Ему казалось, что весь свет охватывался пламенем и что земля сотрясалась и раскалывалась на части от грома. Он перестал плакать и съежился в комочек под своим корнем, который только лишь отчасти укрывал его от потоков дождя, скатывавшегося по стволу с самой вершины дерева. Теперь стало уже так темно, что если бы не молнии, которые делали яркие прорывы в темноте, то он не смог бы увидеть стволы деревьев даже в двадцати шагах от себя. Футах в сорока от него находился громадный, старый пенёк, который, всякий раз, как молнии рассекали небо, казался привидением, делавшим вызов огненным рукам, которые могли его поразить; и все-таки одна из них под конец поразила его! Голубоватый язык рокового пламени пробежал сверху вниз по старому пню, и как только коснулся земли, то произошел ужасный взрыв над вершинами всех деревьев сразу. Массивный пенёк задрожал и затем, точно его срубили одним ударом гигантского топора, повалился на бок. Он так близко упал около Бари, что земля и щепки посыпались на него дождем, и, дико вскрикнув от ужаса, испуганный щенок еще глубже забился под корень.

Разрушив старый кедр, гром и молния, казалось, насытили этим всю свою злобу. Точно на колесах десятков тысяч тяжелых телег, гром покатило далее над вершинами лесов на северо-запад и унес с собою и молнии. Дождь все еще лил как из ведра. Еще с целый час после того, как Бари в последний раз увидел молнию, он шел не переставая. Норка, в которую он забрался, была сплошь полна воды. Он промок до костей. Зубы у него стучали, и он покорно стал ожидать, что будет дальше.

Ждать пришлось довольно долго. Когда дождь прекратился и небо прояснилось, то была уже ночь. Когда Бари высунул наконец голову и поглядел наверх, то увидел над вершинами деревьев звезды. Но он не решился покинуть своей норы. Потянулись длинные часы. В полном изнеможении, чуть не утопая в воде, голодный и с болью в ногах, он не мог пошевелиться. Под конец он забылся тревожным сном, в котором то и дело тоскливо, как потерявшийся ребенок, звал свою мать. А когда он все-таки вылез из своей норы, то было уже утро и ярко светило солнце.

В первую минуту Бари едва мог стоять. Ноги подкашивались под ним; все кости ломили и точно разъединились; там, где у него из уха сочилась кровь и запеклась, оно было точно деревянное, а когда он попробовал было сморщить нос, то закричал от боли. Он выглядел даже хуже, чем чувствовал себя. Вся шерсть на нем превратилась в какие-то спутавшиеся, неприятные клочья, он весь сплошь был в грязи, и, только еще вчера толстенький и блестящий, он представлял собою сегодня самое жалкое и несчастное создание в мире. К тому же он был голоден. До сих пор он не знал, что такое настоящий голод.

Когда он отправился далее, все в том же направлении, какого держался и вчера, то находился в самом удрученном состоянии. Он уже больше не поднимал головы и ушей, не потрясывал их и был далек от всякого любопытства. Он не только испытывал физический голод; психический голод по матери побеждал в нем все. Он хотел своей матери так, как не хотел ее раньше никогда. Ему хотелось прижаться к ней своим маленьким иззябшим телом как можно ближе, почувствовать на себе теплую ласку ее языка и услышать над собой ее материнское поскуливание. Ему хотелось также и к Казану, и к своему валежнику, и к тому большому голубому пятну на небе, которое висело над ними среди леса. Он тосковал по ним, как только может тосковать малое дитя, и все время шел вдоль берега ручья.

Через несколько времени лес начал становиться реже, и это немного обрадовало его. К тому же и от солнечного тепла стало меньше болеть его тело. А голод давал себя чувствовать все больше и больше. До сих пор Бари в пропитании целиком зависел от Казана и от Серой волчицы. Они по-своему нянчились с ним в высокой степени. Этому была причиной слепота Серой волчицы, так как с самого дня его рождения она перестала выходить с Казаном на охоту, и было вполне естественно, что Бари занимал все ее внимание и постоянно был при ней, хотя его несколько раз и подмывало бросить ее и убежать вслед за Казаном. И вот теперь суровая природа предъявила Бари за это счет. Путем тяжелой борьбы она старалась внушить ему, что для него настал час, когда о своем пропитании он должен был позаботиться сам. Медленно, но настойчиво она старалась вдолбить ему это, и он стал вспоминать о том, как несколько дней тому назад ему удалось найти в камнях у ручья, недалеко от кучи валежника, трех или четырех слизняков и съесть. Пришла ему на ум также и двустворчатая раковина, которую он нашел там же и в которой оказалось нечто мягкое, сладенькое и вкусное. И им овладело новое возбуждение. Кончилось тем, что и он стал охотником.

По мере того как редел лес, ручей становился все мельче. Он бежал теперь по песчаным отмелям и по мелким камням, и Бари стал совать свой нос под каждый камушек. Долго он оставался без успеха. Те немногие слизняки, которых ему удалось обнаружить, оказались такими быстрыми и вертлявыми, что ему не удалось их схватить, а двустворчатые раковины закрылись так плотно, что их не могли бы раскусить даже и сильные челюсти Казана. Было уже около полудня, когда он поймал первого в своей жизни рака величиной с мизинец. Он

с жадностью его сожрал. Вкус этой пищи побудил его к новой ловле. В течение полудня он поймал еще двух раков. К вечеру он уже выгнал из-под кочки кролика, и, будь он на месяц старше, он успел бы его и схватить. Все-таки он был еще очень голоден, потому что три рака на протяжении целого дня не могли удовлетворить его настойчиво возраставшего голода.

С наступлением ночи к нему опять возвратились его страхи и безграничная тоска одиночества. Еще до сумерек ему удалось найти для себя убежище под большим камнем, где лежал теплый мягкий песок, который мог бы послужить для него постелью. После своего поединка с молодой совой он прошел уже очень порядочное расстояние, и камень, под которым он нашел для себя на эту ночь приют, находился от его родной берлоги под валежником, по крайней мере, в милях восьми или девяти. Он возвышался в открытом месте в долине ручья, по обеим сторонам которой стенами стояли сосновые и кедровые леса; и когда взошла луна и высыпали на небе звезды, Бари мог видеть, как ярко сверкала в ручье вода; было ясно, как днем. Прямо перед Бари, вплоть до самой воды, тянулся широким ковром белый песок. По этому песку полчаса спустя прошел громадный черный медведь. Пока Бари еще не наткнулся на семью выдр, игравшую в луже, точно покрытой маслом, все его представления о лесе не шли дальше Серой волчицы, Казана и таких созданий, как совы, кролики и небольшие пернатые существа. Выдры не испугали его, потому что он измерял всех животных по величине, а Некик был ростом вдвое меньше Казана. Но медведь оказался гигантом, в сравнении с которым Казан был пигмеем. Это действительно была фигура. Если природа употребила именно этот метод, чтобы познакомить Бари с тем, что кроме собак, волков, сов и раков, в лесах обитают еще и другие, более важные существа, то в данном случае она, пожалуй, перехватила через край. Ибо медведь весил целых пятнадцать пудов, тогда как в самом Бари едва насчиталось бы три фунта. Он был толст, и шерсть на нем лоснилась от непрерывного питания рыбой в течение целого месяца. При лунном освещении он блистал своей черной шерстью, точно был одет в бархат, и шел, забавно переваливаясь с боку на бок и низко опустив голову. Но хуже всего было то, что, идя к ручью, он остановился на песчаной отмели именно как раз в том самом месте, где всего в каких-нибудь десяти футах от него дрожал под своим камнем, точно в лихорадке, Бари.

Было ясно, что медведь почуял в воздухе его запах. Бари слышал даже, как он принюхивался; он слышал его дыхание; он уловил в его красноватых глазах внезапно блеснувший свет, когда медведь подозрительно обернулся на торчавший камень. И если бы Бари знал тогда, что именно он, Бари, это маленькое, незначительное создание, было настоящей причиной того, что чудовище его боялось и нервничало именно потому, что почуяло его, то он разбрехался бы от радости. Ибо медведь, несмотря на свою величину, всегда трусил, когда сталкивался с волком. *А от Бари сильно пахло волком.* С каждым мгновением этот запах становился для медведя все чувствительнее, и вдруг, как на грех, точно для того, чтобы нарочно увеличить в медведе его нервозность, в эту самую минуту откуда-то издалека, из леса, послышался вдруг протяжный, жалобный волчий вой. С недовольным хрюканьем медведь отправился восвояси. По его мнению, не стоило связываться с волками. Они не остановились бы и не вступили бы с ним в честный бой. Они набросились бы на него целой стаей, гнали бы его перед собою целые часы и старались бы перекусить ему пятки. Если бы он попытался отразить их нападение, то при такой бешеной скачке они все равно оказались бы увертливее его. Какая же была польза оставаться там, где волки могли нарушить такую прекрасную ночь? И с решительным видом он заковылял прочь. Бари услышал, как он тяжело зашлепал лапами по воде, переходя через ручей, и глубоко вздохнул. Это был вздох облегчения.

Но этим не заключились для него тревоги в эту ночь. Он избрал для своего ночлега именно то самое место, куда все звери сходились на водопой и где они переходили вброд через ручей, чтобы попасть в противоположные леса. И едва только ушел медведь, как Бари услышал тяжелое хрустение песка под копытами и удар ими о камни: это явился лось с громадными ветвистыми рогами и стал прогуливаться по открытому пространству при луне. Бари широко

раскрыл глаза. Если в медведе было пятнадцать пудов весу, то в этом гиганте, у которого были такие длинные ноги, что казалось, будто он ходил на ходулях, должно было быть вдвое. За ним шла его лосиха. А за нею – их теленок. Он весь состоял из одних только ног. Этого было уже слишком много для Бари, и он все глубже и дальше старался запрятаться в свою нору, пока наконец не улегся в ней, как сардинка в своей жестянке. И так он пролежал в ней до самого утра.

Глава IV

Голодный бродяга

Когда на следующее утро, на рассвете, Бари выполз из-под своего камня, чтобы следовать далее, он был уже значительно старше, чем накануне, когда, выйдя из своей берлоги под валежником, наткнулся на молодую сову. Если возраст может измеряться опытностью, то за последние сорок восемь часов он постарел чуть не вдвое. Теперь уж он вышел из своего положения щенка. Он пробудился с новой и с гораздо более широкой способностью ориентироваться. Перед ним открывался широкий, неведомый мир. Он был полон живых существ и предметов, перед которыми Казан и Серая волчица теряли свое значение. Те чудища, которых он видел на песчаной отмели при лунном свете, явились причиной того, что в нем родилось новое, еще неведомое для него чувство осторожности и пробудился один из величайших животных инстинктов, а именно первобытное понимание того, что сильный всегда живет за счет слабого. Вот почему вполне естественно, что сила и угроза в его глазах оказались пропорциональными внешней величине. Так, медведь был более страшен, чем Казан, а лось – более страшен, чем медведь. К счастью для него, этот инстинкт не ограничился в нем именно таким масштабом: скоро он понял, что и его собственная порода, именно волчья, в свою очередь была в высокой степени опасной для всякой лесной твари, будь она с крыльями, с когтями или копытами. В противном случае подобно мальчику, который, не умея хорошо плавать, бросается в самую стремнину, мог бы и он прыгнуть со всего разбега в самую глубину и разбить себе голову о камни.

С большой осторожностью, ошетилив на спине шерсть и тихонько ворча, он стал обнюхивать следы, оставленные лосем и медведем. Именно запах медведя заставил его ворчать. Он обследовал его следы до самого ручья. После этого он снова принялся за свои похождения и стал отыскивать чего бы поесть.

Целых два часа он не мог поймать ни одного рака. Так это время и пропало даром. Тогда он вышел из зеленого леса и вступил в обгорелое пожарище. Здесь все было черно, как уголь. Стволы деревьев торчали, как громадные обуглившиеся палки. Это было сравнительно недавнее пожарище, вероятно, осеннее, и потому Бари было мягко ступать по еще не осевшей золе. Через эту мрачную местность также протекал ручей, над ней висело голубое ясное небо и светило солнце. Это очень понравилось Бари. Лисица, волк, лось и олень – все удалились из этой несчастной местности. Только в следующем году она вновь станет хорошим пастбищем и местом обильной охоты, теперь же была совершенно пустынна. Даже совам здесь вовсе нечего было бы есть. Но Бари приманили сюда голубое небо, солнце и мягкая почва, по которой так приятно было ступать. После неприятных испытаний в лесу так сладко было почувствовать себя на свободе. Он продолжал идти вдоль ручья, хотя и тут не представлялось никакой возможности найти чего-нибудь поесть. Скоро ручей стал мутным и потек лениво; его русло то и дело было преграждено свалившимся в него разным древесным хламом, который нанесло со всего пожарища, и все берега его стали топкими и заросшими осокой. Спустя некоторое время Бари остановился и огляделся по сторонам, но уже не увидел больше леса, из которого еще так недавно вышел. В этой выжженной, безжизненной пустыне он оказался совсем один. Кругом было мертво, как в могиле. Ни малейшее чириканье птички не нарушало гробового молчания. Ступая по мягкой золе, Бари не слышал даже звука своих же собственных шагов. Но все это его не испугало. В нем была уверенность, что именно здесь он находился в полной безопасности.

Только бы ему найти чего-нибудь поесть! Мысль об этом овладела им целиком. Инстинкт еще не подсказал ему, что именно здесь, во всем том, что окружало его со всех сторон, его и ожидал жестокий голод. А он все шел и шел вперед, безнадежно отыскивая себе пищу. Но

прошли часы, и в нем погасла всякая надежда. Солнце стало спускаться к западу. Засерело небо, легкий ветерок пробежал по вершинам обгорелых деревьев, и послышалось, как с них с треском стали отваливаться засохшие ветки.

Бари больше уже не мог идти. За час до сумерек, ослабевший и голодный, он повалился прямо на землю. Солнце зашло за лес. Луна выплыла на востоке. Небо зажглось звездами, и всю ночь Бари провалился как мертвый. Когда же наступило утро, он поднялся и еле дотащился до ручья, чтобы попить. Собрав последние свои силы, он поплелся далее. К этому побуждал его сидевший в нем волк, который боролся в нем за жизнь до последней капли крови. Собачья же кровь уговаривала его растянуться спокойно и умереть; но волчья порода взяла в нем верх над собачьей. Она осилила – и Бари выиграл. Пройдя с полмили, он снова очутился в зеленом лесу.

В лесах, как и в больших городах, случай играет громадную и прихотливую роль. Если бы Бари попал сюда только на полчаса позже, то он умер бы от истощения. Он был слишком слаб, чтобы поймать даже рака или заесть самую маленькую птичку. Но он явился в тот самый момент, когда горноста́й, этот самый коварнейший из всех лесных убийц, совершал свое нечестивое дело.

Это происходило в ста ярдах оттого места, где, распротершись под ветвями ели, Бари готовился испустить свой дух. Горноста́й был в своем роде очень опытным охотником. У него было тело в семь дюймов длины, с длинным тонким хвостом, на конце которого находилась черненькая кисточка, и всего-то весу во всей его особе было не более одного фунта. Он мог легко поместиться целиком на маленьких ладонях ребенка, а его остроконечная головка со злыми красными глазами легко могла пролезть сквозь любое отверстие, даже в один дюйм в диаметре. В течение нескольких столетий горноста́й делал историю. Именно благодаря ему, когда его шкурка оценивалась в несколько сот долларов, смелые мореплаватели с принцем Рупертом во главе отправились на кораблях в опасное путешествие; именно он, этот маленький горноста́й, был виновником того, что образовалась великая Компания Гудзонова залива и был открыт весь север американского континента; почти целые три века этот маленький зверек ведет отчаянную борьбу с охотниками и как-то умудряется еще их перехитрить. А теперь, когда горноста́й уже более не оценивается на вес золота, он все-таки остается самым хитрым, самым храбрым и самым беспощадным из всех созданий, которые когда-либо существовали на земле.

Когда Бари лежал под деревом, горноста́й подползал к своей добыче. Это была большая жирная тетерка, стоявшая под густым кустом черной смородины. Ни одно живое существо не может слышать приближение к себе горноста́я. Он представлял собою какую-то волшебную тень – серую здесь, ярко-белую там, – то скрывающуюся за пеньком не более человеческого кулака, то появляющуюся воочию, а то исчезающую так, точно его вовсе не существовало. Так, с расстояния в целые пятьдесят футов он подполз почти вплотную к тетерке. Теперь ему оставалось только броситься на нее с налета. Он безошибочно рассчитал расстояние и схватил ее за самое горло, и затем его острые, как иголки, зубы вонзились ей сквозь перья в тело. Горноста́й уже давно приготовился к тому, чем закончилось его злодеяние. Так всегда происходит и в тех случаях, когда он охотится на куро́патов. Их крылья очень сильны, и когда он на них нападает, то по инстинкту они всегда вступают с ним в борьбу. Так и теперь тетерка загремела крыльями и стала защищаться. Горноста́й крепко вцепился ей зубами в горло, повис на ней и обхватил ее своими маленькими костлявыми лапками, точно руками. Он полетел вместе с нею по воздуху, запуская в нее зубы все глубже и глубже, пока наконец оба они не оказались в целых ста ярдах оттого места, где началась эта ужасная трагедия, и пока бедная тетерка не шлепнулась вместе с ним на землю.

Это случилось всего только в десяти шагах от Бари. Несколько минут он, точно во сне, смотрел на эту массу перьев, катавшуюся в борьбе по земле, и даже и не предполагал, что пища могла быть от него так близко, что он мог ее достать. Тетерка уже умирала, но все еще конвульсивно хлопала крыльями. Бари незаметно поднялся и, собрав последние остатки своих

сил, бросился на нее в свою очередь. Вонзив ей в грудь зубы, он только сейчас заметил горностаю. Высвободив свои клыки из тела своей жертвы, горностаю в первый момент поднял голову и посмотрел на Бари дикими, маленькими, хищными, красными глазами. Но Бари был физически сильнее его, с ним трудно было бы ему справиться, и, злобно вскрикнув, он бросился от Бари прочь. Тетерка перестала взмахивать крыльями и испустила дух. Теперь уж она была мертва. Бари не отпускал ее, пока в этом не убедился. Затем принялся за тризну.

С жадной убийства в сердце горностаю все время бродил вокруг да около, но не осмеливался подходить к Бари ближе, чем на полторы сажени. Глаза его сделались еще краснее. То и дело он выпускал острый крик, в котором звучали ненависть и злоба. Никогда еще в жизни он не был так зол. Иметь уже в своем распоряжении тетерку и вдруг так неожиданно лишиться ее! Нет, он не потерпит этого больше никогда! И ему хотелось броситься на Бари и вонзить ему зубы в самый затылок. Но он был слишком хорошим воякой, чтобы попытаться это сделать и дать себя провести подобно Наполеону при Ватерлоо. С совой он, пожалуй, еще сразился бы; мог бы он вступить в бой и со своей двоюродной сестрой куницей и померяться силой со своим злейшим врагом – норкой, но он сразу же понял, что в жилах у Бари текла настоящая волчья кровь, и чуял это на расстоянии. Прошло несколько времени, он охладился, взялся за ум и отправился на охоту в другое место.

Бари съел треть тетерки и остальные две трети тщательно спрятал у подошвы большой ели. Затем он побежал к ручью и напился. Теперь уж весь мир стал казаться ему совсем другим, чем был до этого. Величина счастья во многих случаях зависит от глубины страданий. Тяжелые переживания и плохие удачи сами по себе могут служить шкалой для определения счастья в будущем. Так случилось и с Бари. Всего только сорок восемь часов тому назад полный желудок не мог бы сделать его и в десять раз более счастливым, чем он был сейчас. Тогда самым сильным его желанием была мать, с этого же времени высшею целью его жизни сделалась еда. Во всяком случае, то, что он чуть не умер с голода и от истощения, послужило ему на пользу, так как его опыт в этом отношении сделал из него, если можно так выразиться, мужчину. Он мог бы на долгое время расстаться с матерью, но ни за что на свете не согласился бы вновь пережить разлуку с нею в такие дни, как вчера и позавчера.

В этот полдень он отлично выспался под своей елью, а затем вечером выкопал из-под земли свою тетерку и поужинал ею. А когда наступила четвертая ночь, то он уже не прятался так, как три предыдущие. Он вдруг обнаружил в себе какое-то до странности тонкое чутье. Когда взошла луна и высыпали звезды на небе, то он стал прогуливаться по опушке леса и выходил даже на погорелое место. С каким-то новым для него трепетом он прислушивался к отдаленным крикам стаи волков, гнавшихся за добычей. Уже без малейшей дрожи он внимал бесовским крикам сов. Звуки и тишина теперь превратились для него в новую и многозначительную музыку.

Следующие день и ночь Бари провел по соседству со своей елью, а когда была съедена от тетерки последняя кость, то он двинулся далее. Теперь уже он вступил в такие места, где возможность существования не казалась ему опасной загадкой. Здесь жили рыси, а там, где водится рысь, как известно, имеется множество кроликов. Когда же кролики начинают исчезать, то рыси переселяются в другие, более злчные места. А так как кролики размножаются именно летом, то Бари имел к своим услугам множество дичи. Для него не представляло уже ровно никакого труда поймать молоденького кролика и загрызть его. Целую неделю он катался как сыр в масле, стал быстро расти и с каждым днем делался все сильнее. Но тем не менее он ни на минуту не переставал надеяться, что найдет свой дом и мать, и все шел на северо-запад. Так он попал неожиданно в те самые места, где полуфранцуз-полуиндеец Пьеро расставлял свои ловушки.

Бари уже утомило одиночество и сильно хотелось домой, и его маленькое сердечко жаждало теплой, дружеской ласки и материнской любви. Для него было невыносимо оставаться

одному. Иногда тоска по родине и желание видеть морду Серой волчицы и великолепную фигуру Казана были в нем так велики, что он начинал горько и безутешно плакать. Так собака стала теперь пересиливать в нем волка. Теперь он был маленьким, несчастным щенком. И его дом с Серой волчицей и Казаном и старая куча бурелома, где он когда-то чувствовал себя так хорошо, казались ему теперь далекими и потерянными навсегда.

И, безутешный, он с каждым шагом все далее и далее углублялся в неизвестное...

Глава V

Заговорила волчья кровь

Два года тому назад Пьеро считал себя самым счастливым человеком в мире. Это было еще до появления Красной смерти. Он был полуфранцуз и был женат на дочери индейского вождя. Долгие годы они прожили в счастье и довольстве в бревенчатой хижине на берегу Серого Омута. Несмотря на всю дикость и заброшенность своей жизни, Пьеро испытывал неизмеримую гордость тем, что у него была такая красивая индианка – жена Вайола, такая нежная дочь и такая незапятнанная репутация умелого охотника. Пока Красная смерть не похитила у него жену, он не требовал от жизни ничего. Но вот два года тому назад от черной оспы умерла у него жена. Он все еще продолжал жить в своей бревенчатой хижине на берегу Серого Омута, но стал уже совсем другим человеком. Сердце у него разбилось. Он наложил бы на себя руки, если бы у него не было дочери Нипизы. Его жена назвала ее Нипизой, что по-индейски значит «ива». Нипиза росла быстро, как ива, нежная, как тростинка, и отличалась дикой красотой своей матери, с небольшой примесью французского изящества. Ей было около семнадцати лет, у нее были большие темные удивленные глаза и такие прекрасные волосы, что какой-то проезжавший случайно мимо агент из Монреаля попробовал было их у нее купить.

– Нет, мосье, – ответил Пьеро с холодным блеском в глазах, – они не продаются.

Два дня спустя после того, как Бари вступил в его владения, Пьеро с мрачным видом возвратился из леса.

– Какой-то зверь загрызает маленьких бобриков, – сказал он Нипизе по-французски. – Должно быть, рысь или волк. Завтра...

Он повел плечами и посмотрел на дочь с улыбкой.

– Мы отправимся вместе на охоту? – весело ответила она ему по-индейски.

Когда Пьеро улыбался ей так, как в этот раз, и говорил слово «завтра», то это всегда означало, что он предполагал взять с собою на предполагаемую охоту и ее.

Еще одним днем позже, к концу полудня, Бари переходил через мост, перекинутый между двух деревьев через Серый Омут. Он держался к северу. Тотчас же по ту сторону моста было небольшое открытое пространство, и он остановился около него, чтобы в последний раз порадоваться заходящему солнцу. Когда он стоял так, недвижимо и весь превратившись в слух, опустив хвост, насторожив уши и обнюхивая своим тонким носом открывавшуюся перед ним северную страну, то ни один человек в мире не задумался бы утверждать, что видел перед собою молодого волка.

Спрятавшись за кустами можжевельника в ста ярдах от него, Пьеро и Нипиза наблюдали за тем, как он переходил через мост. Теперь было самое подходящее время, и Пьеро взвел курок. Тогда Нипиза тихонько тронула его за руку.

– Позволь мне выстрелить, отец, – зашептала она. – Я могу убить его!

Усмехнувшись себе в ус, Пьеро передал ей ружье. Для него все счеты с Бари представлялись уже оконченными, потому что на таком расстоянии Нипиза могла попасть в цель девять раз из десяти. И, метко прицелившись в Бари, Нипиза крепко нажала пальцем курок.

Когда раздался выстрел, Бари высоко подпрыгнул в воздухе. Он почувствовал удар пули еще раньше, чем до него долетел звук выстрела. Она сбила его с ног кверху, а затем он упал вниз и все катился и катился, точно получил тяжкий удар дубиной по голове.

Некоторое время он вовсе не чувствовал боли. Затем она пронизала его, точно раскаленный нож, и благодаря ей волк уступил в нем место собаке, и с дикими, детскими криками, походившими на плач, он стал кататься и корчиться по земле от боли.

Пьер и Нипиза вышли из своей засады за можжевельником, причем глаза у девушки сверкали от гордости, что она так метко попала в цель. Но она тотчас же и затаила дыхание. Ее смуглые пальцы конвульсивно вцепились в ствол ружья. Одобрительная улыбка замерла на губах у Пьеро, когда до них донеслись огласившие весь лес вопли Бари.

– Собака! – воскликнула Нипиза.

Пьеро взял у нее ружье.

– Черт возьми, – проговорил он. – Собака! Щенок!

И он бросился к Бари; но благодаря своему изумлению они пропустили несколько секунд, и Бари несколько пришел в себя. Он ясно увидел, как они направлялись к нему через лужок – эти новые для него лесные чудовища. С последним воем он бросился от них в густую тень деревьев. Солнце уже почти зашло, и он забился в самую чащу еловой поросли невдалеке от ручья. Он дрожал при виде медведя и лося, но с настоящей опасностью впервые встретился только теперь. И она приближалась к нему! Он слышал, как трещали сучья под подошвами этих преследовавших его двуногих зверей; они издавали какие-то страшные звуки почти тут же, совсем близко, и вдруг, сам того не ожидая, Бари свалился в какую-то нору. Для него было страшно почувствовать, как почва вдруг выскользнула у него из-под ног, но он даже и не пикнул. В нем опять проснулся волк. Он заставил его во что бы то ни стало оставаться там, где он был, не двигаться, не издавать ни малейшего звука и даже, если понадобится, не дышать. Теперь уж голоса стали раздаваться прямо над ним; странные ноги топтались уже у самой норы, в которой он лежал. Немного высунувшись из своей засады, он мог рассмотреть одного из своих врагов. Это была Ива-Нипиза. Она стояла к нему так, что последний луч солнца бил ей прямо в лицо. Бари не мог оторвать от нее глаз. Несмотря на боль, он почувствовал какое-то странное очарование.

Затем девушка приставила к губам ладони и тонким, сострадательным голосом, в котором для его обьятого ужасом сердца слышалось столько ласкового участия, стала его кликать:

– Щенок! Щенок! Щенок!..

А потом он услышал другой голос, и этот голос был уже далеко не так страшен, как многие из тех звуков, которые он уже слышал в лесу.

– Мы не найдем его, – сказал этот голос. – Он ушел умирать. Напрасно мы стреляли. Это скверно. Пойдем.

В том месте, где стоял Бари, когда в него выстрелили, Пьеро остановился и указал дочери на ветку березы, которая, точно ножом, была срезана пулей Нипизы. Тогда она поняла. Ветка, толщиной в палец приняла выстрел на себя и тем спасла Бари от неминуемой смерти.

Она повернулась назад и снова закричала:

– Щенок! Щенок! Щенок!

В ее глазах уже не светилась больше жажда охоты.

– Все равно он не поймет этого, – сказал Пьеро, продолжая идти по лугу. – Он дикарь, вероятно, от волчицы. Возможно, что он из своры Кумо, который всю прошлую зиму охотился здесь на волков.

– Но ведь он может издохнуть.

– Да, он, наверное, умрет.

Но Бари вовсе и не думал умирать. Он был слишком жизнеспособен, чтобы умереть от пули, которая прошла сквозь мягкие части его передней ноги. Он получил рану до кости, но самая кость осталась невредимой. Он подождал, когда взошла луна, и только тогда выполз из своей норы.

Его нога одеревевела, из нее перестала уже течь кровь, но самое тело на ней причиняло ему тяжелую боль. Летавшие у него перед самым носом совы уже не могли причинить ему вреда, так как, несмотря на то, что при малейшем движении он испытывал невыносимые мучения, он все-таки настойчиво делал резкие скачки то туда, то сюда и тем сбивал с толку.

Инстинктивно он чуял, что если уйдет именно из этой норы, то избежит опасности. И действительно, это послужило только к одному его благополучию, так как немного позже, раскачиваясь, точно пьяный, и что-то мурлыча себе под нос, тою же дорогой прошел дикобраз и тяжело бултыхнулся сразу всем телом в эту нору. Оставайся в ней Бари еще несколько минут, и он весь был бы утыкан его иголками, и на этот раз, конечно, должен был бы умереть.

И в другом отношении путешествие было для Бари полезно. Оно не давало его ране затвердевать, потому что рана эта была более болезненной, чем серьезной. Первую сотню ярдов он проковылял на трех ногах, а потом пришел к заключению, что можно уже ступать и на четвертую. С целую милю он прошел вдоль ручья. Всякий раз, как ветки кустарников задевали его за раненое место, это причиняло ему почти невыносимую боль, а когда по ней бороздили шипы, то вместо того, чтобы взвизгивать от страданий, он только глухо ворчал и крепко стискивал зубы.

Теперь, когда он уже больше не находился в норе дикобраза, стало сказываться, что выстрел Нипизы произвел на него совершенно обратное действие: вместо того, чтобы скулить и мучиться от боли, он почуял, что в нем возмутилась каждая капля его волчьей крови. Страшная злоба наполнила его всего, но не против кого-нибудь в частности, а против всех и всего. Он чувствовал в себе ненависть. Это было совсем не то состояние духа, когда он дрался с совой. Теперь уже в нем вовсе не было собаки. Точно из рога изобилия, на него сразу свалилось столько испытаний, и все эти испытания, включая сюда и рану, пробудили в нем дикого, мстительного волка. Это была его первая ночь, когда он не спал, а путешествовал. Но на этот раз он вовсе не боялся, что кто-нибудь мог бы напасть на него в темноте. Самые мрачные тени уже больше не пугали его. В нем произошла неумолимая борьба между волком и собакой, и волк оказался победителем. По временам он останавливался, чтобы зализать свою рану, и, зализывая ее, он злобно ворчал, точно чувствовал от нее личную обиду или точно она была живым существом. Если бы это подсмотрел или подслушал Пьеро, то он быстро понял бы, в чем дело, и сказал бы: «Пусть его околеваает! Этого дьявола не выбьешь из него никакой дубиной!»

Часом позже именно в таком расположении духа Бари вышел из дремучего леса, по которому протекал ручей, в более открытые пространства, тянувшиеся вдоль невысокого Горного хребта. Они представляли собою небольшую долину, на которой охотилась громадная белоснежная сова. Это был патриарх среди местных сов. Она была так стара, что едва видела перед собой все предметы. Поэтому она никогда не охотилась вместе с другими совами. Она не пряталась в темной хвое сосен или можжевельников и не летала бесшумно по ночам, готовая каждую минуту броситься на свою добычу. Ее зрение было настолько слабо, что с вершины сосны она не смогла бы увидеть даже кролика и приняла бы лисицу за мышь. Такая старая сова, умудренная за свою долгую жизнь тяжким опытом, могла охотиться только из засады. Поэтому она пряталась на земле, в траве и целыми часами, не издавая ни малейшего звука и не шевеля перьями, выжидала с кошачьим терпением, когда подойдет к ней какой-нибудь маленький зверек, которого она могла бы съесть. Иногда она делала ошибки. Так однажды она приняла рысь за кролика и в последовавшей затем борьбе лишилась своей ноги, так что, когда днем спала, то висела на ветке вниз головой, уцепившись в нее другой ногой. Хромая, почти слепая и такая старая, что у нее даже вылезли перья на ушах, она все-таки сохранила в себе гигантскую силу, и когда была зла, то щелканье ее клюва было слышно от нее за двадцать шагов.

Целые три ночи ей не везло по части добычи, а в эту ночь она была положительно в этом несчастлива. Мимо нее проходили два кролика, и на обоих она нападала из своей засады. Первый удрал от нее безнадежно; второй оставил у нее в клюве свою шерсть и тоже удрал.

Она страшно была голодна, и когда стал приближаться к ней Бари, то она решила выместить на нем все свои неудачи. Но если бы Бари сам заметил ее под темным кустарником и понял, что сова готовится броситься на него из своей засады, то и тогда он едва ли изменил бы свое направление, потому что в нем самом разбунтовалась его кровь. Он сам желал подраться

с кем-нибудь, но только на равных условиях. Точно сквозь туман, очень не отчетливо сова увидела, как он шел по долине и наконец поравнялся с ее местом засады. Она насторожилась. Ощетинив свои перья, она стала похожей на громадный шар. Ее почти слепые глаза засветились, как две голубоватые искры огня. Футах в десяти от нее Бари остановился, чтобы зализать свою рану. Сова затаила дыхание и стала поджидать. Бари снова двинулся в путь, и когда проходил уже мимо нее, то со страшным громом своих могучих крыльев она бросилась на него, как стрела.

На этот раз Бари не издал ни малейшего крика от боли или страха. Ни один охотник никогда не слышал, чтобы волк когда-нибудь заскулил, когда в него попадает пуля, или попросил пощады, когда его колотят дубиной. Он умирает, только безмолвно оскалив зубы. В эту ночь сова попала на волчонка, а не на щенка. Первое нападение ее сбило Бари с ног, и на некоторое время он затерялся под ее широко распростертыми, громадными крыльями; подобрав его под себя, сова старалась вцепиться в него своею единственной лапой и сильно забила его клювом по спине. Одного только удара этим клювом где-нибудь около головы было бы достаточно, чтобы положить кролика на месте, но при первом же нападении сова догадалась, что вовсе не кролик находился у нее под крыльями. Яростное ворчанье было ответом на эти ее удары, и сове сразу же припомнились и рысь, и оторванная нога, и то, как ей едва удалось спасти свою шкуру и убраться от зверя восвояси. Старый разбойник забил уже отступление, но Бари уже не был тем Бари, который когда-то дрался с совенком. Опыт и перенесенные страдания закалили его: он успел уже вырасти и окрепнуть; его челюсти перешли уже от лизания костей к их разгрызанию, и прежде чем старая сова успела отцепиться от него, если только она собиралась это сделать, клыки Бари в яростной схватке уже вцепились ей в ее последнюю ногу.

В тишине ночи сова еще громче забила своими крыльями, а затем Бари пришлось крепко зажмурить глаза, чтобы она не выбила их клювом. Но он крепко вцепился в нее, и когда его зубы встретились в мягких частях ее ноги, то по одному уже его ворчанью она поняла, что он считает себя победителем. Редкий случай дал ему возможность схватить ее именно за ногу, и Бари чуял, что его победа над совой будет зависеть именно от того, как долго он сумеет держать в своей пасти эту ногу. Старая сова не имела в своем распоряжении другой ноги, чтобы защищаться ею, и, лишившись и той, которую имела, уже не могла поражать Бари и клювом. Поэтому она продолжала хлопать своими четырехфутовыми крыльями. Они производили вокруг Бари много шума, но не могли причинить ему ни малейшего вреда. Он вонзал в нее свои клыки все глубже и глубже. Его рычания стали еще озлобленнее, как только он попробовал крови совы, и по всему его существу вдруг пробежало страстное желание погубить это ночное чудовище, точно смерть этого существа могла вознаградить его за все свалившиеся на него беды и лишения с тех пор, как он потерял свою мать. Самой сове казалось странным, что до сих пор она еще ни одного раза не испытывала такого страха, как теперь. Рысь напала на нее однажды, оторвала ей ногу и все-таки ушла, оставив ее навеки хромой. Но рысь не ворчала так по-волчьи и не вцеплялась в нее. Тысячу и одну ночь сова слышала волчий вой. Инстинкт подсказывал ей, что он должен был означать. Она видела, как иногда ночью проходили мимо нее стаи волков, и всякий раз, как это случалось, она глубже забивалась от страха в тень. Для нее, как и для других диких существ, волчий вой означал смерть. Но до сих пор, когда клыки Бари вонзились ей в самое тело, она еще не знала по-настоящему, что такое страх перед волками. Понадобились бы целые годы, чтобы вколотить ей в ее глупую голову этот страх; но теперь она поняла его, и он овладел ею так, как ничто еще ни разу в жизни ею не овладевало. И вдруг она перестала биться и неожиданно поднялась в воздух. Точно громадные веера, ее могучие крылья разрезали воздух, и Бари вдруг почувствовал себя аэропланом. Но, все еще не выпуская ее из зубов, он снова повалился вместе с нею на землю.

Сова попыталась взлететь опять. На этот раз ей это удалось лучше, и она взлетела в воздух вместе с Бари на целых шесть футов от земли. Но они повалились снова. В третий раз старая

разбойница развернула крылья, чтобы высвободиться наконец от хватки Бари, но не смогла этого сделать и, обессилев, шипя и щелкая своим клювом, повалилась на землю и широко распростерла по ней крылья. Но под этими крыльями в мозгу Бари все шевелились хищные инстинкты; ему хотелось убить. И вдруг он разжал свои челюсти, перенес свою хватку на другое место и вонзил зубы в нижнюю часть живота совы. Но они ухватили ее только за перья. Отличаясь такую же быстротой, как и Бари, сова использовала момент. В один миг она вырвалась от него и взлетела наверх. Послышалось, как перья вырвались у нее из тела, и Бари остался на поле сражения один.

Он не убил, но зато остался победителем. Это был день или, вернее, это была ночь его торжества. Весь мир, такой же необъятный, как и самая ночь, теперь открывал перед ним свои таинства и сулил ему свои обещания. Минуты две спустя он опустился на задние лапы и стал внюхиваться в воздух, стараясь определить, куда девался его враг; а затем, точно не желая больше обращать внимание на это крылатое чудовище, которое он тщетно вызывал назад, чтобы продолжить с ним бой до конца, он поднял свою острую морду к звездам и через ночное пространство послал им свой первый, еще детский, но настоящий волчий вой.

Глава VI

Вопль одинокой души

Борьба с совой была лучшим лекарством для Бари. Она не только дала ему большую уверенность в себе, но и очистила его кровь от дурных задатков. Больше он уже не вздрагивал от пустяков и не ворчал на неодушевленные предметы, попадавшиеся ему ночью на пути. Эта же ночь была великолепна. Луна стояла прямо над головой, все небо было в звездах, так что на открытых местах было светло, как днем, с той только разницей, что этот свет был мягче и красивее. Было очень тихо. Ни малейший ветерок не заигрывал с вершинами деревьев, и Бари казалось, что тот вой, который он только что издавал, был слышен на краю света. То и дело до него долетали различные звуки, и всякий раз он останавливался и внимательно к ним прислушивался. Где-то далеко мычала лосиха; он слышал, как бултыхнула рыба на озерке, мимо которого он проходил, а один раз до него донеслись громкие удары рогами о рога; это в четверти мили от него два козла не сошлись в убеждениях и старались решить дело к обоюдному удовольствию. Но волчий вой всегда заставлял его сесть и долго вслушиваться в него, и при этом сердце у него начинало биться с каким-то странным импульсом, которого он никак не мог понять. Это был голос его крови, медленно, но настойчиво напоминавший ему о его происхождении.

Он все еще представлял собою бродягу «Пупамутао», как сказали бы индейцы. В нем был еще «бродячий дух», который волнует каждого дикого зверя, как только он начинает чувствовать самостоятельность. Быть может, природа нарочно поддерживает его, чтобы отучить зверей от семейных отношений и от возможности кровосмешения. Как и всякий молодой волк, разыскивающий для себя удобных мест для охоты, или как лисица, которая просто ищет новых ощущений, Бари не имел в своих блужданиях ни метода, ни расчета. Он просто шел, куда глядели его глаза. Он чего-то хотел, чего никак не мог найти. В этом-то и сказалось его происхождение от волчицы. Звезды и луна наполняли его какими-то странными желаниями. Отдаленные звуки напоминали ему о его одиночестве. Инстинкт говорил ему, что, только переходя с места на место, он мог найти то, по чему так тосковал. Ему не нужно было теперь ни Казана, ни Серой волчицы, которых он потерял уже навеки, ни материнской ласки, ни дома. Ему нужны были сверстники, компания. Теперь, когда его волчья ярость нашла себе выход в драке с совою, собака заговорила в нем опять. Ему захотелось любить. Ему так было бы приятно теперь иметь около себя какое-нибудь живое, дружественное существо, какое-нибудь маленькое, хотя бы даже и странное – будь то птица или хищный зверь, или даже копытное животное, – и он так бы прижался к нему, согрелся бы от него и отдохнул!

Ему было больно от пули Нипизы, больно после драки с совой, и на рассвете он лег в зарослях ольхи на берегу второго небольшого озера и так и пролежал до самого полудня. Затем он стал шарить в камышах и водяных лилиях, чтобы отыскать себе пищи, и нашел там обьеденную выдрой рыбу и съел ее до конца.

В это время его рана была уже менее болезненна, а к вечеру он не замечал ее уже совсем. После своего трагического приключения с Нипизой он шел все время по прямому направлению на север, инстинктивно держась воды; но его продвижение вперед совершалось медленно, и когда вновь наступила темнота, он оказался от той норы, в которую упал после выстрела Нипизы, всего только в восьми или десяти милях. В эту ночь он не уходил далеко. То, что он был ранен именно под вечер, а с совой сцепился еще позже, заставило его быть осторожным. Опыт показал ему, что в темных тенях и в мрачных лесных ямах могла таиться опасность от засад. Он уже не боялся так, как раньше, но драк с него уже было достаточно, и он пришел к тому заключению, что самая надежная сила заключается именно в том, чтобы уметь как можно

дальше держаться от ночных опасностей. По какому-то странному инстинкту он устроился на ночлег на самой вершине громадного камня, на которую и сам едва мог вскарабкаться. Может быть, это была в нем отрывка от того далекого времени, когда Серая волчица во время своего первого материнства нашла себе жилище именно на вершине Солнечной Скалы, которая господствовала надо всеми окружающими ее лесами и на которой рысь вступила с ней в схватку и лишила ее зрения.

Но скала Бари не поднималась на сотни футов кверху и не стояла совершенно отвесно; она едва достигала человеческого роста. Она торчала невдалеке от ручья и непосредственно примыкала к густому еловому лесу. Он не спал целые часы, а все время был настороже, его слух готов был подхватить малейший звук, который донесся бы до него из темного леса. В этой бдительности на этот раз заключалось не одно простое любопытство. Его образование безгранично расширилось в одном направлении: он понял, что представлял собою очень маленькую частицу всего того удивительного мира на земле, который лежал под звездами и луной, и поэтому безумно хотел ознакомиться с ним до конца, но уже без всяких драк и поранений. В эту ночь он уже знал, что означали серые тени, по временам молча вылетающие из леса на освещенное луною пространство. Это были совы. С ними он уже сражался. Он слышал удары копытами о землю и протискивание сквозь густые кустарники грузных тел, и до него вновь донеслось мычание лосей. До него долетали голоса, которых он не слышал еще ни разу: острые тьяканья лисиц, неземные, насмешливые гудения северной выпи где-то на озере в полумиле от него, жалобное мяуканье рыси, доносившееся откуда-то издалека за целые мили расстояния; низкое, протяжное карканье ночных воронов, летавших между ним и звездами на небе. Он слышал странный шепот в вершинах деревьев – это разговаривал с ними ветерок; а однажды во время самой мертвой тишины как раз около его скалы вдруг неожиданно свистнул козел и, почуяв в воздухе волчий запах, в ужасе прыснул в сторону от Бари и исчез в ночной темноте.

Все эти звуки приобрели теперь для Бари совершенно новое значение. Он быстро слился с пустыней и вошел в нее, как ее новый сочлен. Глаза его блистали. Кровь стала переливаться в нем быстрее. Иногда он целые минуты просиживал без малейшего движения. Но из всех, всех звуков, которые доходили до него, волчий вой производил на него самое сильное впечатление. Он то и дело вслушивался в него. Вот этот-то раздавался где-то далеко-далеко, так далеко, что слышался, как шепот, замиравший раньше, чем достигал до него; а то вновь раздавался с такою силой, точно волки бежали тут же, рядом с ним, кричали во все горло, гнали перед собой добычу и, задыхаясь от бега, пламенно приглашали с собой на дикую оргию и его, чтобы и он отведал теплой крови. Они его звали, звали, звали. Это был его родной зов, кость от его кости, плоть от его плоти, призыв к дикой, смелой охотничьей шайке, к которой когда-то принадлежала и его мать! Это был голос Серой волчицы, разыскивавшей его среди ночи; это была ее кровь, приглашавшая его побрататься с волчьей стаей. И, внимая этому зову, он дрожал. В его горле слышался тихий, сдавливаемый вой. Он стоял на самом краю своего отвесного камня. Ему хотелось идти. Природа заставляла его бросить все и бежать. Но та же природа оставила ему в наследство и его странные особенности, с которыми ему приходилось вести дикую борьбу, ибо в нем еще сидела собака с заснувшими или подчинившимися в течение целого ряда поколений инстинктами, – и эта-то самая собака и удержала Бари в течение всей этой ночи на вершине скалы.

На следующее утро Бари нашел вдоль ручья очень много слизняков и, пообедав их скользким, водянистым телом, пришел к заключению, что отныне не будет голоден уже никогда. С тех пор как ему удалось покушать отнятой у горностаея тетерки, он никогда еще так вкусно не ел.

Перед вечером Бари вошел в ту часть леса, которая отличалась наибольшими покоем и тишиной. Ручей здесь был уже глубок. Местами его берега расширялись и образовывали небольшие затоны. Два раза Бари приходилось делать большие обходы, чтобы их миновать.

Он шел очень тихо, прислушивался и наблюдал. С тех самых пор, как в этот злополучный день он оставил свою родную берлогу под кучей валежника, он еще ни разу не чувствовал себя дома так, как именно теперь. Ему казалось, что он уже давно бродил по этим самым местам и что именно здесь он найдет себе друзей. Быть может, это было в нем новым чудом инстинкта, какой-то новой тайной великой природы, потому что он находился сейчас во владениях старого бобра, Сломанного Зуба, и именно здесь еще задолго до его рождения охотились его отец и мать. Недалеко отсюда происходила в воде знаменитая дуэль Казана со Сломанным Зубом, с которой так позорно сбежал Казан, едва спасши свою шкуру. Бари ничего об этом не знал. Он никогда не догадался бы о том, что шел уже по проторенным следам. Но что-то в глубине его души как-то странно захватывало его. Он внюхивался в воздух так, точно находил в нем запах давно уже знакомых ему вещей. Это было только легкое дыхание чего-то родного, не поддающееся определению, обещание чего-то такого, что влекло его к предвкушениям таинственного.

Лес становился все чище и интереснее. Здесь не было уже никакой травы, и Бари шел под деревьями, точно по обширной пещере, сквозь крышу которой пробивался вдруг солнечный свет и яркими пятнами ложился на землю. Бари проходил через этот лес вполне спокойно; ему не встретился на дороге никто, кроме маленьких, порхавших на ветках птичек, и не послышалось ни малейшего звука. И вот он вышел к тихому широкому разливу. Вокруг этого разлива сплошной стеной росли ольхи и ивняк. Деревья широко расступились. Он увидел отражение на воде вечернего солнца и вдруг неожиданно заметил на разливе жизнь.

Мало произошло перемен в колонии Сломанного Зуба с тех пор, как ему пришлось защищать ее от нападений выдры и Казана. Старый Сломанный Зуб постарел еще больше. Он растолстел. Он стал дольше спать и потерял уже прежнюю осторожность. Он спокойно дремал на своей громадной, сделанной из грязи и из ветвей плотине, при которой состоял главным инженером, когда Бари появился вдруг на высоком берегу в тридцати или в сорока футах от плотины. Он так тихо подошел к колонии, что ни один из бобров его не увидел и не услышал. Он лег на живот, скрывшись в высокой траве, росшей у берега, и с крайним интересом стал следить за всем происходившим. Вот поднялся Сломанный Зуб. Он встал на задние лапы, как солдат на часах, постучал своим плоским жирным хвостом и, громко свистнув, со всего размаха бросился с плотины в воду. Затем Бари показалось, что вся заводь вдруг наполнилась бобрами. Головы и туловища вдруг забороздили по воде туда и сюда, то скрывались, то опять появлялись, и это приводило его в смущение и в удивление. Это была вечерняя игра всей колонии. Хвосты колотили по воде, точно плоские вальки. Странное посвистывание носилось под всплескиванием воды, и затем как-то сразу, в один момент, игра прекратилась. Всех бобров, вероятно, было около двадцати, не считая молодежи, и все они, точно по команде, которая была им заранее знакома и которой Бари не слышал, успокоились в один момент, и на всей заводи воцарилась абсолютная тишина. Некоторые из них юркнули в воду и скрылись под ней, большая же часть из них тут же, на глазах у Бари, выползла на берег. Они не стали терять времени и тотчас же принялись за работу. Бари стал слушать и наблюдать, стараясь не шелохнуться, так же как и лист того кустика, за которым он скрывался. Он старался понять. Ему хотелось уложить в свое сознание и этих интересных и так красиво выглядевших животных. Они вовсе не пугали его. Он не чувствовал ни малейшего беспокойства ни от их числа, ни от величины. То, что он держал себя так спокойно, проистекало не из пугливых опасений, а скорее из странного и все возраставшего желания как можно лучше ознакомиться с этой любопытной коммуной четвероногих на воде. И благодаря им дремучий лес уже не стал ему казаться таким пустынным. А затем как раз под ним, футах в десяти от того места, где он лежал, он вдруг увидел нечто такое, что нашло себе отклик в его еще детской душе, так пламенно тосковавшей по дружбе.

Там, на узенькой полоске берега, которая возвышалась над тиной, вдруг появился маленький бобр, Умиск, жирный, как шарик, и за ним туда же вылезли и его три товарища. Умиск был сверстником Бари, может быть, на неделю или на две моложе. Но он был полнее

его и тяжелее и почти таких же размеров в ширину, как и в длину. Во всем четвероногом мире природа никогда не создавала более добродушных созданий, как маленькие бобрята да, пожалуй, еще медвежата, и на всемирной выставке детей Умиск, наверное, получил бы первый приз. Его три компаньона были несколько меньше. Они ковыляли за ним, издавая веселые кудахтавшие звуки и волоча за собою свои плоские хвосты, точно маленькие санки. Они были жирны, пушисты и необыкновенно ласково смотрели на Бари, так что его сердце вдруг забилося от радости. Но он все еще не двигался. Он едва переводил дыхание. А затем Умиск вдруг бросился на одного из своих товарищей и повалил его. Тотчас же два других навалились на самого Умиска, и все четверо стали кататься, как шары, сбивая друг друга с ног и похлопывая хвостами, и все время они радостно поскрипывали своими голосами. Бари знал, что это была не драка, а игра. Он поднялся на ноги. Он забыл, где находился, позабыл обо всем на свете, кроме желания поиграть с этими пушистыми шарами. В одну минуту он простил природе все те испытания, которые перенес. Это был уже больше не боец и не охотник и не добыватель себе пищи во что бы то ни стало. Теперь это был простой щенок, в котором желание поиграть со сверстниками вдруг стало гораздо значительнее и больше, чем самый голод. Ему страстно захотелось сбежать к Умиску и к его приятелям и вот так же покататься с ними и поиграть. Если бы это было на самом деле выполнимо, то он, наверное, рассказал бы им, что лишился своего дома и родной матери, что после этого многое перенес и что с удовольствием остался бы с ними совсем, если бы на это согласились их матери и отцы.

Бари даже жалобно заскулил, но так тихо, что его даже и не услышали бобры. Они были страшно увлечены своей игрой.

Бари осторожно сделал к ним первый шаг, затем другой и наконец остановился на узенькой полоске берега футах в пяти от них. Его маленькие острые ушки насторожились вперед, он выпрямил свой хвост так туго, как только мог, и каждый мускул в его теле задрожал от предвкушения.

Тогда его увидел Умиск, и его толстое тело вдруг сделалось неподвижно, как камень.

«Здравствуйте! – казалось, хотел крикнуть им Бари, выпрямившись во весь свой рост. – Хотите, я тоже буду с вами играть?»

Умиск не ответил. Три его товарища подняли глаза на Бари. Они не двинулись с места и так и застыли. Четыре пары удивленных глаз уставились на пришельца.

Бари попытался снова. Он еще выше поднялся на передних ногах и вытянул назад хвост и задние ноги. Для внушения к себе большего доверия он схватил в зубы первую попавшуюся ветку.

«Ну, что же? Можно? – казалось, продолжал он. – Я тоже умею играть!»

Он подкинул ветку в воздух, стараясь доказать этим свое умение, и слегка залаял.

Умиск и его братья так и окаменели.

А затем вдруг кто-то заметил Бари. Это был громадный старый бобр, плывший через заводь с еловой веткой в зубах к постройке новой плотины, которая производилась еще под водой. Тотчас же он бросил свою ветку и посмотрел пытливо на берег. Затем, точно выстрелив из ружья, он так громко хлопнул хвостом по воде, давши этим сигнал об опасности, что в молчании ночи этот удар мог быть слышен за несколько миль.

«Опасность! – предостерегал он. – Опасность! Скрывайтесь скорее, не медля ни минуты!»

Едва только был услышан этот сигнал, как повсюду, во всех направлениях забарабанили хвосты по воде: в самой заводь, в каналах, которых нельзя было заметить простым глазом, в зарослях ольхи и ивняка. Казалось, что все бобры хотели этим крикнуть Умиску и его друзьям:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.